

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8–11.

**Гале Кулаковской 8 лет 11 месяцев,
Саше Раскиной 3 года 9 с половиной месяцев.
1 марта 46.**

У Шуры очередной грипп, и я отвезла Сашу на Сретенку. Между нею и Галей после поцелуев и объятий произошел такой разговор:

Галя:

— Ты поедешь с мамой Фридой обратно?

— Нет, я не хочу ехать на Ермолаевский.

— Почему?

— Потому что я хочу остаться на Сретенке.

— А почему?

— Потому что я хочу спать вместе с тобой.

— А почему?

— Потому что я тебя люблю.

— А почему?

— Потому что ты моя сестричка.

— А почему я твоя сестричка?

— Почему-почему! — раздражаясь, ответила Саша. — Потому что кончается на «у».

Папа Аба слушал с наслаждением, и на лице у него был написан восторг...

5 марта 46.

Саша после четырехдневного отсутствия вернулась домой.

— Ну как, мой горшочек тут скучал без меня? — спросила она.

Сразу стала озорничать, верещать, чего на Сретенке не бывало.

6 марта 46.

На Сашу напал рисовальный стих. Она целыми днями рисует, чем бесконечно радует родителей. Бумаги изводит — пропасть.

Постройки из кубиков стали у нее просто грандиозными. Я даже не могу их изобразить здесь.

7 марта 46.

Четыре года со дня гибели Шуры [А. И. Кулаковского, отца Гали. — А. Р.].

4 апреля 46.

Саша долго сидела у больной Ольги Львовны. После разговоров, чтения и прочих забав усталая Ольга Львовна сказала Саше:

— Ну, теперь помолчи немного...

Саша смолкла.

Через минуту раздался вздох, почти стон.

— Что ты, Сашенька? — спросила Ольга Львовна.

— Я не могу больше молчать!

7 апреля 46. Сретенка.

Когда Шура говорит Саше: «Я тебя не люблю!», она огорчается, но терпит сравнительно мужественно. Шура произносит эти слова слишком часто, и Саша попросту привыкла к ним. Я же этой формулой не злоупотребляю. И уж если мне приходится сказать «Ты плохая девочка, я тебя не люблю!» (Бог знает, педагогично это, или непедagogично), — она начинает маяться. На днях, когда папа Аба спал, я велела ей уйти в коридор и играть там. Она ответила: «Не хочу!» Вот тогда-то я и сказала:

— Если ты не слушаешься, я не стану тебя любить!

Она вышла, долго не появлялась. Потом мы сели за стол и явился Вадик, посланный Сашей:

— Дядя Аба, вы любите Сашеньку? — спросил он.

— Люблю! — ответил удивленный папа.

— Тетя Соня, а вы любите Сашеньку?

— Люблю!

— Тетя Фрида, а вы любите Сашу?

— Нет, — сказала я решительным голосом.

Вадик удалился. Потом прибежал снова:

— Тетя Фрида, а почему вы не любите Сашеньку?

— Потому что она не слушается.

Вадик снова убежал, но через минуту опять пришел:

— Тетя Фрида, Саша говорит, что она нечаянно не слушалась.

Самой выяснить отношения не позволяло самолюбие.

*

Галя дружит с Вовой. Он Галин ровесник, но она по сравнению с ним великан: на голову выше, вдвое шире в плечах. Сидя рядом с ним, доверчиво обнимает его за шею, очень считается с его мнением. Излюбленная игра — в папу и маму. Саша в этом случае дочка, а Галя Варичева — няня. Мать Вовы, мою сверстницу, я в детстве знала: она жила в Дорогобуже у своей приемной матери, Евгении Афанасьевны, и приезжала гостить в Москву к Вере Афанасьевне. Звали ее Огонёк (Агния). Когда немцы наступали на Дорогобуж, она бежала с Евгенией Афанасьевной и четырьмя своими детьми. Во время бомбежки убило ее и двух малышей. С оставшимися ребятами Евгения Афанасьевна пошла дальше. Двухлетний малыш в дороге потерялся. Уцелел один Вова, в котором Евгения Афанасьевна не чаёт души, хотя он ей совсем чужой. Сейчас она с ним живет у Веры Афанасьевны. Вову очень любят, очень балуют. Он мальчик способный, умница, но истеричный. Много кричит, плачет. А раз, когда его обманом хотели оставить на даче (в город боялись везти, у Гали нашли дифтерит), он плакал и кричал: «Если вы меня обманываете, то уж лучше убейте, лучше убейте меня!»

Евгению Афанасьевну он зовет бабушкой. Иногда, рассердившись, он бьет ее. Она все прощает. Мне кажется — напрасно. Он много перенес, его очень жаль, но распускать тоже не следует. Я слышала, как Евгения Афанасьевна утешала его по какому-то поводу: «Вовочка, не плачь, пожалуйста, не плачь». А он отвечал: «Я никак не могу успокоиться». И это было очень фальшиво. Он внимательно прислушивается ко всему, что о нем говорят, и потом рассказывает о себе теми же словами. «Плача, он подолгу не может успокоиться», — эту фразу я не раз слышала от Евгении Афанасьевны.

Со взрослыми он разговаривает примерно так:

— Вова, тебе должно быть стыдно!

— А мне не стыдно!

— Ты плохо поступаешь!

— Замолчите! Я хорошо поступаю!

Вадика он терроризирует: бьет, дразнит и не играет с ним. С Галей дружит, хотя изредка ссорится. А Сашу любит, очень радуется, когда она приезжает, очень нежен с ней... Мне он сказал дословно следующее (галантным, светским тоном):

— Тетя Фрида, вы просто волшебница, если могли народить такую девочку!

Однажды Вова облил Галю чернилами. Ничьих сетований по этому поводу он слушать не хотел. Однако с Сашей он не только поговорил, но даже оправдывался перед ней.

— Ты нехороший, я не буду с тобой играть! — высокомерно сказала она. — Ты облил Галю чернилами!

— Я нечаянно... — без уверенности произнес Вова.

— Нет, чайно! — энергично возразила Саша. — Галя говорит чайно, значит чайно, она моя сестричка, а ты ведь не моя сестричка?

Вова был посрамлен.

8 апреля 46.

Саша:

— Мама!

Я:

— Что тебе?

Саша:

— Ты зачем так грубо разговариваешь?

*

Саша Гале:

— Ты мне не сестричка, ты мачеха, потому что ты злая!

*

Саша, с гордостью:

— Мама, я спросила у бабушки Оли, как она себя поживает!

9 апреля 46.

Фаня [1] играет с Сашей в доктора. У Саши больна кукла.

Фаня:

— Что болит у вашей дочки?

Саша:

— Сердце.

Фаня:

— Сейчас выслушаем.

Саша:

— Дышать?

Фаня:

— Дышите.

Саша:

— А еще болит животик, может, сделать клизму?

Фаня:

— Это не мешает.

Саша:

— А может, дать соды с молочком?

Фаня:

— Что ж, можно! Ну, а вы как живете?

Саша:

— Ничего, хорошо.

Фаня:

— А где ваш муж?

Саша:

— Он работает!

Фаня:

— Что же он делает?

Саша:

— Пишет пародии!!!

Комментарии, как говорится, излишни!

*

Мама Соня:

— Вот я расскажу маме Фриде, она тебе задаст!

Саша, самоуверенно:

— Мама Фрида меня очень любит и все равно ничего мне не сделает.

16 апреля 46.

Галя и Вова прочли чудесную, памятную мне с детства, книгу Люси Фич-Перкинс «Маленькие японцы». Теперь самая любимая

игра «в японцев». Вова придумал сочинить японский словарь. На обложке написано: «Сочинил Ольшевский В. Сочинила Кулаковская Г.» Потом крупно: «СЛОВАРЬ».

На первой странице:

Сяли — Сашенька.

Дебен гонатэ — идем со мной.

Моне — Вова, Гоче — Галя.

Монерэ — прячься; мочене — тише.

Доне ване — не ходи к нему. (Должно быть, к Вадику.)

Галя,
1946 год.

У ферем чибере мочить? — У тебя есть защита?

Мане — вперед!

И т.д. Словарь стилизован не под японскую, но под итальянскую речь: Вова слышал пленных итальянцев там, где жил в эвакуации, даже привез с собой две (антифашистские!) итальянские песни, которые, если очень-очень попросить, он исполняет с большим темпераментом.

18 апреля 46.

Саша, чтоб усесться поудобнее, долго вертелась на диване. Сама прокомментировала: «Как кот Маркиз!»

Это верно: Маркиз, прежде чем усесться, тоже долго вертится.

20 апреля 46. Запись А. Б.

Лена с видом абсолютного превосходства загадывает Саше загадку.

— Ну, отгадай, — говорит она пренебрежительно, — зимой и летом одним цветом. Что такое?

Саша ошеломлена. Но признать свою несостоятельность она не в силах.

— Свет... — робко говорит она и быстро поправляется: — Зима...

Ей, бедняжке, кажется, что одно из слов загадки и есть отгадка. Мне ее очень жалко. Ей очень неловко.

— Елка, — добывает ее Лена.

Пауза. Саша уничтожена. И тихо, с надеждой отыграться, она говорит: «Загадай мне еще раз *эту загадку*!...»

(А. Б.)

День рождения Саша, 16/5 - 46 Москва

Мюша Соколов-Типот; Алена наверху Оксана Венгерова; Вадик Орлов; Саша наверху Галя; Паша Соколов-Типот, наверху Эдда; Вова (сосед)

День рождения
Саша 16 мая
1946 года,
Москва.

Слева направо:
Тюша
Соколов-Типот;
Алена и (наверху)
Оксана Венгеро-
вы; Вадик (сосед);
Саша, наверху
Галя; Паша
Соколов-Типот,
наверху Эдда;
Вова (сосед).

22 апреля 46.

Берта Львовна говорит Саше:

— Будешь шуметь — позову Бармалея!

Саша, лукаво улыбаясь:

— Пожалуйста, позовите! Я с удовольствием на него по-
смотрю.

6 мая 46.

Гость подает Саше руку со словами: «Я твой друг, да?»

Взглянув на него внимательно, Саша ответила: «Мама лучше...»

*

Саша взяла чернильный карандаш в рот, измазалась.

Шура:

— Что ты наделала?! Ведь от этого умереть можно!

Саша насмешливо:

— Что, карандаш немец, что ли, чтоб от него умереть?

8 мая 46.

— Мама, сорокины детки — соровнята?

— Нет, — отвечаю я не так чтоб очень уверенно: — Сорочата.

— А синичкины — синята?

11 мая 46.

Если я разговариваю с Сашей резким тоном, выговариваю ей, она, почти не слушая меня, вопит: «Любишь, любишь, любишь, любишь!» — и звучит это как мольба и как приказание.

*

Шестнадцатого у Саша день рождения. Позовем ребятшек.

18 мая 46.

Я: «Саша, собери кубики».

Саша: «Попроси как следует».

Возразить нечего: мы требуем, чтобы она говорила «пожалуйста», и обычно шпыняем ее именно такими словами: «Попроси как следует».

*

Меня зовут к телефону. Я умываюсь. Чтобы пристойнее обрисовать положение, Шура говорит:

— Она не может подойти, она занята ребенком.

Саша, присутствующая при этом, выдерживает паузу, а потом осторожно спрашивает:

— Папа, а ты не обманываешь тетю?

Мать моя, до чего все надо делать с оглядкой!

23 мая 46.

Саша:

— Мама, костюмчик-изюмчик — правда, складно? Мама, слово «изюм» вкусное, и слово «вкусно» тоже вкусное, правда? Мама, а слово «кислый» — неприятное слово, да?

*

На днях была у Галя в школе, взяла ее табель (чтение — 5, арифметика и письмо — 4). Смотрела ее контрольные работы по арифметике и русскому языку. Задача и примеры решены безукоризненно, но в задаче всюду вместо слова «копейка» написано «рубль». Как остроумно заметила преподавательница, Галя решала задачу в соответствии с коммерческими ценами: у нее вышло, что карандаш стоит 54 рубля, ручка с пером — 25 рублей (вместо «копеек») и т.д.

Изложение написано хорошо. После рассказа о том, как льдина, на которую вскочила собака, раскололась, Галя написала: «Все ахнули...» И поставила многоточие. Однако и в изложении в слове «мальчики» она пропустила «ч», за что и получила четверку вместо пятёрки. Преподавательница говорит, что схватывает она хорошо, быстро, но техническое выполнение ее уже не интересует — отсюда описки, ошибки и рубли вместо копеек.

24 мая 46.

Саша хвастливо:

— Я никогда не плююсь!

— А помнишь, как ты плюнула Лене в тарелку?

— Но это же не на пол! И это было давно, ну, мама, ведь это же было давно! И не на пол!

27 мая 46.

Саша задумчиво, с большими паузами, говорит:

— С кем же мне водиться? Галя пролила чернила... Вова облил Галю чернилами... Мила плохо учится... Лена схватила меня без спроса за живот... С кем же мне теперь водиться?.. Надо подумать...

С Леной она рассталась враждебно: высосала из пальца какую-то клязу и твердо стоит на том, что Лена обязана перед ней *как следует* извиниться:

— Когда я плюнула Лене в суп, я как ей сказала? Я ей сказала: «Леночка, дорогая, извини меня, пожалуйста, я никогда больше не буду». А когда Лена схватила меня за живот без спросу, она как извинилась? «В мире, в мире навсегда, в ссоре, в ссоре никогда!» Извиняться надо не так! Она должна сказать, как я ей сказала: «Сашенька, дорогая, прости, я больше не буду». А она как сказала? Она просто сказала...

И повторяла долго, многословно, одно и то же по многу раз.

28 мая 46.

Саша:

— Мама, давай играть, как будто ты бабушка, а я Красная шапочка, давай? Ладно? Вот я прихожу и спрашиваю: «Бабушка, а почему у тебя такие большие ушки?», а волк отвечает: «Чтоб лучше слышать тебя, дитя мое». — «Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие глазки?» А волк отвечает: «Чтоб лучше видеть тебя, дитя мое». «Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие зубки?» — «Чтоб лучше съесть тебя, дитя мое!» — И тут он меня проглотил. Вот прихожу я в живот... Вижу — бабушка. Это ты. Говорю: «Здравствуй, бабушка!» А ты что отвечаешь?

...Но в ответ я только бездарно смеюсь.

1 июня 46.

Я по Галиной просьбе рассказывала ей содержание иллюстраций к Дантовскому «Аду». Саша некоторое время прислушивалась, а потом сказала:

— Это злая книга. Не надо ее, давайте читать другую!

6 июня 46.

Саша:

— Мама, ты меня любишь?
— Люблю, люблю, — отвечаю я устало.
— А почему таким тоном? — спрашивает Саша огорченно.
— Каким же тоном, по-твоему? — удивляюсь я.
— Бедным... Бедным тоном, — поясняет Саша.

*

Вчера мы переехали на дачу. Саша в упоении. Рвет цветы, научилась кататься на велосипеде, восхищается каждой травкой, командует Севочкой. Он несколько сопротивляется.

*

Галя вчера отбыла в Ленинград к бабушке Вале.

15 июня 46.

— Мама, я тебе расскажу смешное: тетя Поля говорит не «надеваю», а «одию». Правда, смешно?

*

Саша:

— Мама, я хочу ходить босиком, ведь Севочка ходит босиком!

— Он мужчина! — говорю я.
— А я кто? — с интересом спрашивает Саша.
— А ты женщина.
— Буду... — поправляет Саша.
— А сейчас кто же ты?
— Сейчас я просто девочка, а Сева просто мальчик. Потом я буду женщина, а Сева — мужчина...

Мы смеемся. Саша с удовлетворением поясняет:

— Я все понимаю...

*

Еще о воздействии художественной литературы на человеческую душу. Я стала читать Саше ненецкую сказку «Кукушка»:

«Вот что было. Жила на земле женщина. Было у нее четверо детей. Не слушались дети матери. Бегали, играли на снегу с утра до вечера. Вернутся к себе в чум, целые сугробы снега на пимах натащат, а мать убирай.

Одежду промочат, а мать суши.

Трудно было матери.

Вот один раз летом ловила мать рыбу на реке. Тяжело ей было, а дети ей не помогли.

От такой жизни, от работы тяжелой заболела мать. Лежит она в чуме, детей зовет, просит:

— Детки, воды мне дайте. Пересохло у меня горло. Принесите мне водички!

Не один, не два раза просила мать: не идут дети за водой.

Старший говорит:

— Я без пимов!

Другой говорит:

— Я без шапки!

Третий говорит:

— Я без одежды!

А четвертый и совсем не отвечает.

Сказала тогда мать:

— Близко от нас река, и без одежды можно за водой сходить.

Пересохло у меня во рту. Пить хочу!

Засмеялись дети...»

Не успела я дойти до этих слов, как с Сашей стало твориться что-то уму непостижимое — она заплакала и закричала: «Зачем ты мне читаешь такую злую книгу? Про таких детей?»

Она долго плакала и рыдала на удивление мне и Севочке.

Может, я и неверно поступила, но только сказку я все-таки дочитала ей до конца. Саша слушала, мучаясь и страдая:

«...Засмеялись дети, из чума выбежали. Долго играли, в чум к матери не заглядывали.

Наконец, захотел старший есть — заглянул в чум.

Смотрит он, а мать посреди чума стоит. Стоит и малицу надевает.

И вдруг малица перьями покрылась.

Берет мать доску, на которой шкуры скоблят, и доска та хвостом птичьим становится.

Наперсток железным клювом стал.

Вместо рук крылья выросли.

Обернулась мать птицей и вылетела из чума.

Закричал старший сын:

— Братья, смотрите, смотрите! Улетает наша мать птицей!

Тут побежали дети за матерью, кричат ей:

— Мама, мы тебе водички принесли!

Отвечает им мать:

— Ку-ку! Ку-ку! Поздно, поздно. Теперь озерные воды передо мной. К вольным водам лечу я.

Бегут дети за матерью, зовут ее, ковшиком с водой протягивают. Меньшой сынок кричит:

— Мама, мама! Вернись домой! Водички на! Попей, мама!

Отвечает мать издали:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Поздно, сынок, не вернусь я.

Так бежали за матерью дети много дней и ночей — по камням, по болотам, по кочкам.

Ноги себе в кровь изранили. Где побегут, там красный след остается.

Навсегда бросила детей мать-кукушка.

И с тех пор не вьет себе кукушка гнезда, не растит сама своих детенышей.

А по тундре с той самой поры красный мох стелется».

*

Некоторое время спустя я попросила Сашу: «Саша, принеси мне, пожалуйста, портфель». Саша принесла и, отдавая, сказала: «Маму надо слушаться, а то улетит».

А сказка очень хорошая и действительно очень грустная. Саша, которая все сказки готова слушать по 50 раз кряду, от этой сказки с отвращением отказывается: «Не хочу, не буду слушать. Лучше про зайца, который напугал волка».

10 июля 46.

Саша мне: «Ты мне так нравишься, мама, что я тебя люблю больше, чем до слез, больше, чем безумно, и больше, чем крепко».

*

— Мама, тебе приятно, когда я тебя целую? — спрашивает Саша.

— Приятно.

— А когда Галя тебя целует, тебе приятно?

— Приятно, — отвечаю я между делом и довольно безмятежно, не подозревая, что за этим последует.

— А когда папа тебя целует, тебе приятно? — Я оглядываюсь как затравленный зверь, потому что народу кругом довольно много и все смеются.

— Построй-ка мне лучше домик, — говорю я.

— А когда дядя Сережа (один из присутствующих, малознакомый мужчина и чужой гость) тебя целует — тебе приятно?

И с чего она взяла, боже мой?

*

От Валентины Николаевны пришло письмо. Вот что она пишет о Галке:

«Для меня она просто ребенок, избалованный, своевольный и очень неорганизованный в своем ребячьем быту. Но я на нее пожаловаться не могу. Мы с ней запанибрата, меня она слушается, охотно берется за всякую работу, конечно, мелочную, но все у нее получается быстро, стремительно и часто вместо помощи она бедокурит. Во всех случаях она меня слушается, привыкла мыть шею утром, вечером ноги, чистить зубы, а волосы заплетаем в косы и завязываем впереди, что к ней идет, и она каждый день щупает их — не потолстели ли за ночь. Дружна и общительна со всеми, но играет преимущественно с маленькими, а со взрослыми детьми почему-то вздорит, вероятно, не желает терять своего авторитета.

Очень сообразительна. Пока мы были в Ленинграде, она попросила меня показать ей, как шьют на ножной машине, и, представь себе, что то, что не давалось Лие до 16-ти лет, она освоила (движение машины) за час и самостоятельно строчила тряпочку. Также освоила вязание крючком, на что было затрачено больше времени, но и это преодолено, и она взялась вязать себе косыночку. Она очень сообразительна и настойчива в своих желаниях, очень деятельна. Она уже загорела, очень свежо и весело выглядит, ест хорошо и все, что даю. Спорит из-за молока, предпочитая простоквашу, и бегает целый день без оглядки вокруг дома, к соседям, к приятелям, и не обижаются на нее, она по-детски вспоминает вас всех только тогда, когда недовольна мною: тогда сразу садится писать письмо, но не жалуется — это значит, что она сознает свою неправоту».

14 июля 46.

Саша ежедневно доводит меня до иступления одним и тем же вопросом:

— Мама, кого ты больше любишь — меня или Галю?

— Одинаково, — отвечаю я.

— Одинаково не любят, — говорит Саша.

25 июля 46.

Саша:

— Мама, дай, пожалуйста, попить!

— Сейчас...

— Мама, если ты не дашь мне пить, я улечу, как та кукушка.

Я молчу. Тогда Саша усиливает впечатление:

— Приедет папа, — говорит она, — и скажет: «Фрида, где

Саша?» А ты что скажешь?

— Я скажу, что ты улетела.

— А он что скажет?

Чувствуя, что я даже предположить затрудняюсь, что скажет папа Шура, Саша спешит мне на выручку:

— Не бойся, я прилечу и превращусь опять в маленькую хо-рошенькую девочку.

*

Саша и Сева собирают малину. Оба одновременно увидели одну и ту же ягоду и поссорились: каждый хотел ее сорвать.

Я стала стыдить их за жадность.

Через полчаса они снова встретились в малиннике, и Саша ежeminутно рапортовала мне: «Мама, я нашла ягоду и отдала ее Севе. Мама, Сева нашел две ягоды и отдал мне. Мама, я найду три ягоды и отдам ему».

*

Саша:

— Мама, у меня по руке ползет какой-то босикомый.

*

Мальчик Шура (драчун и забияка) говорит:

— Я мальчишек во дворе не боюсь. Я говорю им: «Только троньте меня, вам же хуже будет!»

Фрида Абрамовна с Сашей, 16 мая 1946 года.

Саша:

— А почему им будет хуже?

— А если они меня побьют, я пойду к их родителям и скажу:

«Ваши дети меня побьют!»

Саша, спокойно:

— А они скажут: «Правильно сделали».

1 августа 46.

Выдумала новую игру и очень любит ее:

— Мама, будем играть, как будто ты мне незнакомая. Спроси:

«Девочка, как тебя зовут?»

— Девочка, — послушно говорю я, — как тебя зовут?

— Фаничка! — отвечает Саша.

— А фамилия твоя?

— Фамилия моя... фамилия моя... Моя фамилия — Крошкина!

Я знаю ваших дочек. Вашу младшую дочку зовут Сашенька Раскина, а старшую — Галя Кулаковская. Я с ними познакомилась. Мы с ними играем... Мама, ну спроси же меня еще!

Я спрашиваю, она отвечает, не забывая обращаться ко мне на «вы». Но в ответах своих не изобретательна. Всегда отвечает одно и то же. Правда, что и я задаю одни и те же вопросы.

*

Мальчик Шура часто обижает ее: толкнет, осыплет песком, выругается. И Саша страстно уповаet на Галин приезд.

— Вот, — кричит она, — приедет моя сестричка Галочка. Она старше тебя, вы померяетесь, и ты увидишь, что она старше тебя, она большая, она не позволит тебе меня обижать, она тебя побьет. Я ей скажу, как ты меня обижал, она тебе покажет!

В последнее время часто вспоминает про Галю: «Мама, когда же приедет Галочка? Я хочу ее видеть, я по ней скучаю!»

*

Саша:

— Мама, ты едешь в Москву на четверг? [2]

— Да.

Саша укоризненно:

— Но ведь папа тебе не разрешает?

*

— Я своего дедушку называю папа Аба, потому что дедушка Аба — это нескладно.

*

— Мама, ты едешь в четверг? Передай привет... Передай привет кому-нибудь! Передай кому-нибудь привет!

(Продолжение следует)

[1] Фаина Григорьевна Вигдорова, двоюродная сестра Ф. А., — часть «сретенской» семьи.

[2] В «Комсомольской правде», где тогда работала Ф. А., устраивались так называемые «четверги» — вечера типа «Клуба интересных встреч».